

БЕРИЯ на глазах бледнел. После последних слов начал пятиться. Опять злобно глянул на меня. Сталин перехватил его взгляд:

— Пью, с кем хочу, ясно? Я тобой не хочу, а с ним хочу. Пришел еще подглядывать, — и стукнул кулаком по столу.

— Марш отсюда! И Берия, грозный Берия, растаял; как будто его и не было.

— За грузина себя еще выдает, гад... Сталин встал и прошелся по комнате. В столовую мы так и не пошли, пили у меня. — Подглядывают, сволочи, подслушивают, проверяют... Житья нет.

Поправил косо висевший шишкинский лес.

— На тебя еще грозно смотрит, блядьюга. Пусть попробует только. Хребет сломаю ему, Малюте зарвавшемуся.

НЕЖДАНЫЙ ВИЗИТ этот испортил всю нашу идиллию. Начал вспоминать, кто в чем провинился. Вины, оказались, все. Прихлебатели, болтуны, доносчики, каждый на чужом х... в рай хочет въехать. Втируша Маленков и Вячек — медный лоб, и Лазарь этот обрезанный — все друг друга стоят... И исчез уютный дедушка.

По комнате из угла в угол решительными шагами ходил пока еще не разгневанный, но явно разозленный, вышивший (нет, не пьяный, я поражаюсь этому, а именно выпивший), крепкий еще старик в заштопанной пижаме и, щедро пересыпая свою речь матом, поносил своих нерадивых слуг.

Подошел к прикорнувшему на моей кушетке Никите, пнул ногой.

— Ну, чего развалился? Сталин его вызвал, а он спит тут пускает. Утрись!

Ошалелый Хрущев лихорадочно стал вытирать рот, оттуда действительно что-то текло.

— А ну встать! По стойке смирно! Докладывай, что у вас там, на Украине? Как указания выполняете?

Хрущев выткнулся, руки по швам, заморгал глазенками.

— Кре... Крешатик, вот, по вашему указанию восстанавливаем. Писатели включились. Павло Тычина стихи написал. Как это? Сестричку, братику, попрощаем на Хрещатику...

— Нужен мне твой маразматик Тычина... Сестричку, братику... Ты мне про зерно, про уголек доложи. Сядь, соберись с мыслями.

И, как ни странно, Никита собрался — в этом, вероятно, и была магическая сила Сталина, уметь выколачивать из людей нужное, в любой момент, в любой обстановке. Вынул из бокового кармана сложенную четверо бумажку, стал, не очень даже заплетаясь, приводить какие-то цифры.

Сталин, к моему удивлению, похлопал его по плечу, и то ли доброжелательно, то ли с издевкой сказал:

— Видаль? Пятидесяти-миллионная республика, а у

него все цифры в боковом кармане. Ну и даешь ты, Никита.

Тем не менее подсел к столу.

ДАЛЬШЕ ПРОИЗОШЛО то, чего я больше всего опасался. Мне захотелось говорить.

— Ни в коем случае! — пытался я убедить самого себя. — Ни в коем случае! Видишь, как все хорошо идет. Всех ругает, а тебя нет. Над всеми издевается, а тебя только по голове гладит. Никиту, вот, специально вы-

— Хороший тост, — сказал Сталин. — Но в ответ я тебе вот что скажу. Налей-ка еще.

— А больше нет, товарищ Сталин.

— Как так нет. Такого не бывает. А ну, Никита, сбегай. Скажи там дежурному.

Хрущев неуверенной походкой направился к двери.

— И нарзану заодно, — крикнул ему вдогонку Сталин. — А тебе скажу, — он ткнул меня пальцем в грудь. — Понял я наконец тебя, Некрасов. Хитрый ты человек. Очень даже хитрый.

глупый. Вот если б мы вместе да против всех этих наших союзничков, Черчиллей, Рузвельтов, весь мир покорили бы, понимаешь, весь мир! А потом поделили бы пополам! А он, дурак, не понял. И полез. И по зубам получил.

Я почувствовал, что сейчас что-то произойдет.

— Товарищ Сталин, но ведь вы сами...

— Не перебивай! Товарища Сталина перебивать нельзя. Слушай. Договорились, значит, мы с тобой, что Гит-

Он не дал мне договорить.

— Не было его! Нет! И не будет! — он вдруг побагровел. — Нет такого понятия: «антисемитизм». Понятно? Есть племя торгашей, ростовщиков и хапуг...

— Эйнштейн, что ли, торгаш и хапуга?

— Эйнштейн не знаю, а Каганович да!

Тут как раз вошел Никита с двумя бутылками водки.

— Скажи, Никита, Лазарь вор?

Никита опешил. Поставил бутылки. Лихорадочно стал одну из них раскупоривать.

— Вор или не вор, говори!

Никита, точно рыба, выброшенная на берег, хватал ртом воздух. А перед ним стоял, расставив ноги, Сталин, весь красный, даже шея и грудь покраснели, со скатыми кулаками, и, казалось, что вот-вот, он размахнется и ударит его.

— Говори! Но Никита не в силах был выдать ни слова.

А я... До сих пор не могу понять, как это получилось, нашло какое-то затемнение, но я выхватил у Никиты бутылку, молниеносно разлил по стаканам и сказал, упершись пьяными глазами в Сталина:

— Я предлагаю выпить за командира пятой роты лейтенанта Фарбера, товарищ Сталин. Слыхали о таком?

— Фарбера? Какого такого Фарбера?

— И напрасно! Командир пятой роты, 1047-го полка, 284-й дивизии. Выпили?

Сталин взглянул на меня так, что я понял — сейчас конец. Потянулся к телефонной трубке.

— За такое знаешь что? — сказал он, не сводя с меня глаз, страшно медленно, вкладывая каждое слово, точно гвоздь. — Не знаешь? Так вот, узнаешь.

Он набрал номер. — Берю ко мне, — и швырнул трубку.

Все! Я понял, что все. Воцарилась пауза. Никто не двигался. Ни Сталин, ни Хрущев, ни я. Застыли.

В ушах стучало. Все быстрее и быстрее.

Сталин, стиснув протянутый мною стакан так, что пальцы даже побелели, стал приближаться ко мне. Тихой, беззвучной, какой-то крадущейся походкой.

И смотрел, не отрываясь, смотрел. В глазах его вспыхнули маленькие, красные огоньки, как у кошки ночью.

За спиной моей тихо открылась и закрылась дверь.

Я понял, что это конец. Залпом выпил стакан водки. В глазах пошли круги. В ушах зазвенело. Все сильнее и сильнее.

Я упал. Стакан покатился по полу. Последнее, что я услышал сквозь все усиливающийся звон в ушах:

— Жиденький паренек... А я еще на брудершafft хотел.

Больше я ничего не слышал, я умер.

Виктор НЕКРАСОВ

Раб. трибуна. — 1991. — 24 дек.

...ВСЮ НОЧЬ «ГУДЕЛИ» ДО УТРА

Как Иосиф Сталин и сталинградец Виктор Некрасов обмывали Сталинскую премию

звал, дачу, особняк отвалил, что тебе еще надо? Кати медленно в Киев и пиши, пока зеленая улица перед тобой...

Нет, хочу говорить! Не гнэви Бога, не гнэви Сталина, балда! Начнешь за здравие, кончишь за упокой. Опять с какой-нибудь Ходынкиной влезешь. Сейчас уже не сойдешь тебе. Берия в нем всю муть со дна поднял, разве не видишь? Нет уже рождественского дедушки. Перед тобой Сталин, ты что, забыл! И оба вы пьяные...

Ни в какую... Тост! Только тост! Хочу тост произнести!

И произнес. Подошел к столу, разлил остатки водки и очень громко произнес:

— Дорогой товарищ Сталин, дорогой Никита Сергеевич! Простите, что я вторгаюсь в ваш серьезный деловой разговор, но мне кажется, что настало время выпить...

— Очень правильное замечание, — серьезно сказал Сталин, взяв протянутый мною стакан. — Выпить никогда не вредно: мозги прочищает.

И меня понесло. В пьяном словоизвержении своем я говорил в основном о войне. Об отступлении, об оставленной Украине, о мосинских трехлинейках, которые выдавали нам за день до вступления в бой, и, конечно же, о Сталинграде, Мамаевом кургане, солдатах, командире полка, Чуйкове, Родимцеве, колхозных лопатах, мерзлом грунте... Патриотизм так и пер из меня.

— У сталинградцев, у солдат была одна мечта, — закончил я свой несколько затянущийся тост, — дождаться до логова этого бандита, до его канцелярии и нагадить ему на стол. Вот за это солдаты и пили свои положенные сто граммов.

За это хвалю. Но не расчетливый. Что раз прошло, второй раз уже не годится... Вот ты тост произнес. Хороший тост, патриотический. И там-тада из тебя может выйти хороший. Уж не грузин ли ты? Может, бабушка какая была грузинкой, а? Но в тосте своим ты допустил ошибку — перехитрил или недохитрил, не знаю, но впросак попал.

Он прошелся по комнате. Озлобление его вроде прошло. Остановился против меня.

— Но скажи мне такое, только откровенно. По совети. По-твоему что, товарищ Сталин участия в Великой Отечественной войне не принимал? — и выдержав паузу, во время которой я почувствовал, что начинаю холодеть. — А мне казалось, что небольшой, но все-таки вклад сделал. Может, я ошибаюсь?

Я стоял перед ним и молчал. Руки и ноги оцепенели.

— Хорошо... На это ты мне вполне справедливо ответишь, что вы сами, товарищ Сталин, сказали, что жопа у вас болит и что ты эту самую мою жопу пожалел... Вот и подсказал я тебе ответ. А ты уже испугался. Не надо. Но запомни — хитрить хорошо, но не с товарищем Сталиным... Понятно?

Он поднял руку, то ли предвзяв возможные мои извинения или объяснения, то ли давая знак, что еще не кончил. Опять прошелся по комнате.

— Но это, так сказать, для начала. Присказка. Небольшой совет юному другу. Но главное, что я хотел тебе сказать после твоего тоста, хорошего тоста, не спорю, другое. Про Гитлера. Ты назвал его бандитом. И солдаты так его называли. Правильно называли. Конечно, он бандит, но я думаю, что бандит умный, а оказался

лер бандит. Людей убивал, в печках сжигал. Нехорошо, конечно. Негуманно. Ну а товарищ Сталин, по-твоему, не бандит? — он сделал паузу, и я почувствовал: по спине у меня побежали мурашки. — Сколько он людей на тот свет отправил! А? Куда там Гитлеру. Ребенок по сравнению с товарищем Сталиным. Учиться ему у товарища Сталина надо было, а он вместо этого полез, дурак, на него... А начал-то он, вообще, неплохо. Тесно, говорит, нам, немцам. Версаль задушил! И гам! — для пробы. — Саар, Плевисцит, вроде, устроил. Сошло. Потом Австрия, аншлюс. Сошло. Судеты, Мюнхен — тоже сошло, победа. Сожрал Чехословакию, союзнички промолчали. Молодец! Хвалю! Знал, что делал. И внутри тоже. С врагами народа надо поступать решительно. Колебаться нельзя. «Окончательно» решение еврейского вопроса — правильное решение. Я бы сказал, даже гениальное.

ЧТО ОН ГОВОРИТ? Я почувствовал, что во мне что-то оборвалось.

— Товарищ Сталин... Иосиф Виссарионович... Но нас же всю жизнь учили, убеждали, что антисемитизм...